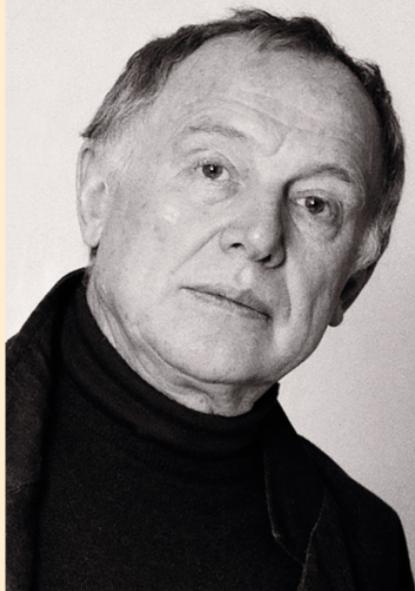

МАРИЯ СМОКТУНОВСКАЯ

ИННОКЕНТИЙ СМОКТУНОВСКИЙ

Зеркало
Души

Тип, характер его дарования уникален, *совершенно необычен, иск.логичен.* Он привлекает тем, что в нем *горит какой-то внутренний свет,* я иначе это не могу назвать. Он меня поражает загадочностью своего творческого процесса — его нельзя объяснить. Он может, ничего не читая в какой-либо области, *играть в ней мудреца.*

Смоктуновский много лет был в безвестности, долго ждал, пока он оказался нужным времени. Понадобился определенный сдвиг в жизни общества, в характере искусства, чтобы театру пришлось в пору его *неповторимое дарование, лицо, голос.*

Без грима

Мария Иннокентьевна Смоктуновская
Анастасия И. Горюнова-Борисова
Иннокентий
Смоктуновский. Без грима
Серия «Зеркало памяти»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68005802

Иннокентий Смоктуновский. Без грима: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-144685-7

Аннотация

Это уникальная книга воспоминаний родных и близких Иннокентия Михайловича Смоктуновского, которые дополнены личными мемуарами великого артиста – создана с огромной любовью.

О гениальном актере и замечательном человеке вспоминают его самые близкие люди: жена Суламифь Михайловна, дети Филипп и Мария, внучка Анастасия, а также друзья и коллеги по актерскому цеху: Олег Ефремов, Владимир Меньшов, Вера Алентова, Армен Джигарханян, Валерий Плотников и другие.

Гений – так говорили и продолжают говорить о нем зрители, критики, коллеги, друзья и близкие. В чем секрет гениальности? Кому она дается? Как в человеке раскрывается

гениальное дарование? И как с этим дарованием жить? Авторы воспоминаний каждый по-своему пытаются ответить на эти вопросы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От составителей	6
Часть I. Родные	8
Мария Смоктуновская. Материалы к биографии	8
Первая новелла. Детство	8
Вторая новелла. Война	11
Третья новелла. «Мой папа на сцене самый главный»	15
Четвертая новелла. Гамлет, Деточкин и другие	19
Пятая новелла. Моцарт, Чайковский, Сальери и Бах	23
Шестая новелла. «Тверд орешек! Он для грядущего, как видно, будет впору...»	25
Седьмая новелла. Говорящая собака Жан и другие	30
Восьмая новелла. Мама – лучший папин друг	32
Заключительная новелла. Память о папе	37
Суламифь Смоктуновская. Непостижимая жизнь актера	40
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Иннокентий

Смоктуновский. Без грима

© Смоктуновский И. М., текст, наследники, 2022

© Смоктуновская М. И., текст, 2022

© В.Ф. Плотников, фото, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

От составителей

Эта книга создана с особой любовью. Она проникнута любовью от начала и до конца. Нет, это отнюдь не слепое обожание кумира, а любовь к мужу и отцу, коллеге и другу, любовь – несмотря на его слабости и недостатки. Самые близкие люди вспоминают о великом актере – Иннокентии Михайловиче Смоктуновском. Гений – так говорили и продолжают говорить о нем зрители, критики, коллеги, друзья и близкие. В чем секрет гениальности? Кому она дается? Как в человеке раскрывается его дарование? И как с этим дарованием жить? Авторы воспоминаний каждый по-своему пытаются ответить на эти вопросы.

Мы хотим показать Иннокентия Михайловича таким, каким его мало кто знал. Большинство материалов, составивших сборник, публикуется впервые. Они или хранились в семейном архиве Смоктуновских, или были созданы специально для этого издания.

Иннокентий Михайлович – не только великий актер, он – выдающийся человек. Человек, который выбивался и по сей день выбивается из стереотипов. Он достиг многого, но всегда был в поиске чего-то еще... Мир не ограничивался для него материальной составляющей, он всегда стремился к высотам духа. Может быть, поэтому и сейчас так трогают душу созданные им образы? Может быть, поэтому он пережил

свое время и остался в вечности?

Мы хотим пожелать нашему читателю прикоснуться к подлинной любви, познать утешение и радость, понять что-то важное, смыслообразующее и в себе, и в окружающей действительности. Ведь во всем есть не только обыденный, но высший смысл. Именно это доказал своим творчеством и жизнью Иннокентий Михайлович Смоктуновский.

Приятного чтения!

Мария Смоктуновская

Анастасия Горюнова-Борисова

Часть I. Родные

Мария Смоктуновская. Материалы к биографии

Первая новелла. Детство

«Детство – пора неосознанного богатства золотого запаса времени, пора игр, драк, сборищ и шалостей на пыльных улицах сибирского города, беззаботно-веселого катания с горы на санях или лыжах до испарины, до приятного утомления. Детство неразумное, когда азарт набить карманы, пазухи ранетками из соседнего сада много выше спокойной возможности иметь все то же самое из своего. Детство бездумное, в чем-то сложное, но почти во всем бездумное, может быть, этим прекрасное, но и страшное...

Сначала ласково будит мать: “Кешутка, вставай, блинов поешь, потом опять ляжешь!..”

Потом настойчиво воспитывает среда.

Затем властно призывает жизнь. Но это все будет еще не скоро, где-то там, далеко впереди».

Мой папа, Иннокентий Михайлович Смоктуновский, ро-

дился в многодетной крестьянской семье – детей было семь человек – в Сибирской деревне Татьянаовка Шегарского района Томской области. Деревня эта, окруженная таежными болотами, была очень бедная. К тому же в 1920-е, да и в 1930-е годы по всей Сибири свирепствовал голод. Не избежали этой участи и крестьяне папиной родной деревни Татьянаовка. Дважды по ней прошел голод.

Для того, чтобы как-то противостоять беде, одни бежали в город на заводы и фабрики, другие, оставаясь в деревне, старались избавиться от лишних ртов. В 1929 году, вскоре после того, как в деревне Татьянаовка умер от голода старший брат Иннокентия Митя, вся семья переехала в Красноярск. Отец семейства стал работать грузчиком в Красноярском порту, а мать устроилась на колбасную фабрику.

Но в 1932 году случился второй повальный голод. Маленького пятилетнего Иннокентия, которого в семье ласково звали Кешей, и его брата Володю отдали на воспитание тете Наде, родной сестре его отца. Тетя Надя с мужем дядей Васей своих детей не имели и взяли на воспитание племянников. Братья, Иннокентий и Владимир, были большими друзьями. Дом, где они жили, стоял в живописнейшем месте – на крутой горе. Братья очень любили сбегать с нее вниз на огромную поляну, где играли и резвились.

На противоположной стороне поляны, недалеко от дома, стояла замечательная церковь. Вечером, на закате, солнце бросало отблеск на белоснежный собор и его купола. Такое

видение приводило в трепет маленького Кешу.

Об этой поляне папа потом часто вспоминал и рассказывал нам, что именно это место стало для него отправной точкой творчества. Папа считал, что неслучайно гениальный фильм Ингмара Бергмана называется «Земляничная поляна».

У папы были очень светлые воспоминания о детстве. Он рассказывал, что жизнь воспринималась им тогда как большая чудесная сказка, в которой встречалось много непонятного, порой пугающего, но вместе с тем все вокруг было светлым и беззаботным. Детское сердце переполнялось радостью предощущений подлинного праздника жизни, которому не будет конца. Эти предощущения выражены в удивительной книге папиных воспоминаний под названием «Быть!».

Часто поздним летним вечером на пологой крыше погребка, запрокинувшись на спину, лежал, радостно замирая под властью темного звездного неба, необъяснимо маясь, волнуясь от чуда мироздания, и Млечный путь, казалось, неотступно манил в свою хрустальную глубину, завораживая своею далью, и обещал в конце усилий, познаний и труда приобщить к своему вечному мерцанию.

Это предчувствие моего папы сбылось. Его именем названа малая планета в Солнечной системе, ее номер 4926.

Вторая новелла. Война

«...Он шел по пыльной дороге сорок первого года. Огромный и рыжий, смущенный, что ему поминутно приходилось менять ногу в строю. Человек, портрет которого я носил в медальоне Гамлета. Мой отец – Михаил Петрович Смоктунович. Человек добрых шалостей и игры, человек залихватского характера, ухарства и лихачества. Он вскормил меня, и тогда я провожал его в последний раз по кричащей, взволнованной дороге к эшелону, уходившему на фронт.

Мне не нужно было искать его в строю. Два метра удивительно сложенных мускулов, рыжая, по-мужски красивая голова виделись сразу. Я со страхом подумал: “Какая большая и неукротимая мишень!”. Я бежал, меня трясло. Очевидно, почувствовав, он поймал меня взглядом и отрывисто бросил:

– Ты что?

– Ничего...

В горле пересохло. Он, изучающе помолчав, крикнул:

– Ты смотри!..

Он ушел.

И я смотрю.

Я помню. Я смотрю...»

Мой отец воевал. Он ушел на фронт, не успев даже окон-

чить школу. Восемнадцатилетним мальчишкой Иннокентий был призван в армию. На войне ему не раз довелось побывать в очень страшных перипетиях, но судьба хранила его и оставила жить. На фронте папа находился с 8 августа 1943 года, начав свой воинский путь с Орловско-Курской дуги. Он не участвовал в самых жарких сражениях этой легендарной битвы. Отец оказался в тех местах, где все самое страшное почти закончилось. В то время там еще шли жестокие бои, но того жуткого пекла, которое было вначале, он, к счастью, уже не застал.

В октябре 1943 года при форсировании Днепра папе и еще одному бойцу дали задание: под обстрелом, то и дело погружаясь с головой в воду, перейти протоку, чтобы доставить пакет с секретными документами начальству, находившемуся на острове посредине Днепра.

Затея была отчаянной. Это понимали все. Только-только зайдя в воду, папин напарник был ранен и не мог держаться с ним рядом. Папа же должен был идти вперед, пытаясь прорваться сквозь зону обстрела. Такое ему дали указание. Находясь в середине протоки, отец захлебывался, едва успевая глотать воздух перед тем, как снова уйти под воду. Вдруг папа, оглянувшись, заметил напарника: тот, будто споткнувшийся или пьяный, странно разбрасывал руки в стороны, тяжело падал в воду, барахтался, вставал и снова валился набок. Папа что-то пытался крикнуть ему, но это было бесполезно. Грохот разрывов усилившегося обстрела заглушал все

кругом – немцы у минометов видели, что один из солдат еще жив и на плаву, не хотели дать ему уйти. Пройдя глубокую часть протоки, он оглянулся на бегу, пытался окинуть взглядом пройденный участок брода, но напарника уже не было, его или снесло течением, или он утонул. Спрятавшись за корягой, папа из раза в раз пытался осмотреть все кругом. Но берег и протока были тоскливо пусты.

Тот важный пакет отец доставил начальству. И за это он, младший сержант 212-го мотострелкового полка 75-й гвардейской Бахмачской дивизии, даже был представлен к награждению. Он получил медаль «За отвагу». Правда, ее вручили спустя 49 лет, прямо на сцене МХАТа, после спектакля «Мольер». Папины однополчане-москвичи сами собрали все документы по этому награждению, и в реляции был кратко, по-казенному описан этот эпизод сражения при Днепре. И вот – медаль «За отвагу» на королевском камзоле Людовика. А на сцене – вереница друзей-ветеранов, разделивших с папой радость этого торжественного и трогательного момента. В конце этой вереницы – я. В нашем семейном альбоме сохранилась даже такая фотография: папа в королевском камзоле, уже без парика, но еще в гриме. У него на груди – медаль «За отвагу», и я обнимаю его. Вот какой мой папа – он не только король Франции, его величество Людовик XIV – именуемый «Солнце», но и солдат-герой, отстоявший нашу Родину для жизни следующих поколений, и для моей в том числе.

Отец прошел страшное испытание – был в плену. Пленен он был под Житомиром 3 декабря 1943 года. В плену его мучали болезни. Дистрофия, дизентерия, полный душевный шок. Отец не мог смириться с тем, что любой конвоир имел возможность просто пристрелить его. Ни за что.

Из плена чудом удалось бежать 7 января 1944 года. Когда их, военнопленных, перегоняли и на одном из этапов вели через Первомайку, Каменец-Подольскую область, переходили через мост, он попросил немца: «Вассер», – что значит «воды». Тот увидел, что парень еле живой: «Давай». Папа спустился под мост, речка маленькая. Притаился, спрятался за опорой моста, дождался, пока перестанут слышаться шаги военнопленных, и бросился прочь. Узнал у местных жителей, где побольше лесов, болот и меньше шоссежных и железных дорог. Где вероятность появления фашистов была гораздо ниже. Ему сказали, что неподалеку, километров через 15–20, находится деревня. Шел он к ней долго, потому что был совсем без сил.

В деревне Шепетовке семья украинцев по фамилии Шевчук укрывала сбежавшего пленного солдата после побега. Они пригрели его, умирающего от истощения и душевного шока, отмыли и вывели. И спасли.

Когда он немного окреп, смог вступить в партизанский отряд, который вскоре присоединился к одной из частей Красной армии. Отец вновь стал красноармейцем – командовал отделением автоматчиков, освобождал Варшаву, участвовал

во взятии Берлина. Получил пять или шесть благодарностей верховного главнокомандующего И.В. Сталина. Тогда это было радостью. Демобилизовался в октябре 1945 года. «Меня вела какая-то сила жизни по войне, – говорил папа, – что ни одна шальная пуля, ни осколок меня не мог свалить. Я был кем-то охраняем. Не исключено, что я был охраняем Господом Богом».

Отец написал книгу воспоминаний «Быть!». В ней есть главы о том, как он воевал. Когда папа писал строки о войне, он иногда говорил маме и мне: «Соломка, Маша, я пишу о фронте, хотите послушать, я вам почитаю».

Третья новелла. «Мой папа на сцене самый главный»

«Нам довольно часто приходится слышать сочувственную фразу: “Как это вам удастся запомнить такую уймищу текста наизусть?” Ах, если бы знали эти спрашивающие, что бывают такие времена в самочувствии актеров, когда знание огромных, сложных текстов наизусть – ничто, просто отдых по сравнению с постоянно ускользающим правом на произнесение этого текста! Ведь надо, чтобы текст этот произносился не вами, но тем персонажем, которого вы обязаны найти в себе, и чтобы персонаж этот был единственным правомочным рупором этих слов. Только тогда весь выученный вами текст, а вместе с ним

и образ-характер станут убедительными и живыми. Вот труд. Вот гранит, алмаз и глыба, о которой, я уверен, даже не подозревают многие, думающие о кажущейся легкости нашей работы. Все же остальное – цветочки-василечки на солнечном лугу и в отпускное время».

Мои первые впечатления о работе папы в театре относятся к тому времени, когда мы уже переехали в Москву в 1972 году. В столицу артист Смоктуновский был приглашен Михаилом Ивановичем Царевым и режиссером Борисом Ивановичем Равенских для работы в Малом театре, на роль царя Федора в пьесе Алексея Толстого «Царь Федор Иоаннович».

Иногда отец брал меня на репетиции, а потом и на спектакли. Когда я видела его в роли царя Федора Иоанновича, то воспринимала как главного человека на сцене – ведь он играл царя, а я уже знала, что царь – главный человек в государстве. Весь папин облик, его поведение полностью соответствовало моим представлениям о главном человеке.

Однажды во время гастролей с этим спектаклем в Киеве, где зрители очень тепло приветствовали ведущий Московский театр, во время поклонов, папа вывел на сцену и меня. Я стояла между царем и царицей, и это было очень торжественно. Но потом за такой экспромт папе сделали замечание, а он любил экспромты.

Позже, на спектакле «Иванов», я смотрела представление из-за кулис. Декорация являла собой стену с окнами. Чтобы ближе видеть участников спектакля, я сидела за кулисами у

окна по ту сторону стены. По ходу действия папа оказывался совсем близко к этому окну, и я могла уловить его взгляд. Мне казалось, что отец может как-то подать мне знак, что тоже видит меня. Но он не видел меня, он был полностью поглощен событиями, происходившими на сцене. Иногда даже, придя домой после спектакля, папа не сразу освобождался от образа, все еще продолжая в нем жить, а потом постепенно приходил в себя, в свое привычное состояние.

В 1992 году я участвовала с отцом в одном спектакле. Его мы готовили с режиссером Виталием Ланским по пьесе «Из жизни дождевых червей» Пера Улова Энквиста о сказочнике Гансе Христиане Андерсене.

Папа играл Андерсена. В этом спектакле, кроме него, были заняты известные актеры театра им. Маяковского Надежда Бутырцева – она играла возлюбленную Андерсена, актрису Ханне Хейберг, Александр Лазарев, который играл Хейберга, а я играла старую мать Ханне, и еще в начале каждого действия у меня был танец-воспоминание Ханне о ее детстве, когда она училась в балетной школе. Отец был очень требователен к нам, но в первую очередь – к себе. Он замечательно играл Андерсена, пытаясь донести до зрителя духовную сущность замечательного сказочника. Андерсен в папином исполнении был добрым, влюбленным и веселым человеком – таким, каким и должен быть самый настоящий сказочник. В спектакле звучала музыка Альфреда Шнитке. С этой постановкой мы с большим успехом гастролировали по

разным городам Америки.

Не менее удивительным, на мой взгляд, был спектакль «Господа Головлевы», поставленный выдающимся режиссером Львом Додиным. И снова отец играл не просто плохого человека. Как он сам говорил, эти плохие и даже отвратительные черты в той или иной степени свойственны большинству людей. Он создавал такой причудливый, но живой и узнаваемый образ. Это было настолько увлекательное зрелище, в котором сошлось буквально все: фантазмагорический спектакль, потрясающая постановка Льва Додина и великолепная игра Иннокентия Смоктуновского.

Великая роль отца – общепризнанная вершина его театрального творчества – образ князя Мышкина в спектакле «Идиот» в БДТ. На эту роль его пригласил легендарный Георгий Александрович Товстоногов. Увидев Смоктуновского в роли Фарбера в фильме «Солдаты», Георгий Александрович был потрясен его глазами, он увидел «мышкинские глаза». Сначала репетиции шли очень тяжело, несколько месяцев ничего не получалось. Но однажды в коридоре «Ленфильма» папа увидел человека, который, не смотря на спешащих людей, стоял отрешенно и был углублен в чтение какой-то книги. И весь его облик дал отцу новый импульс, что-то новое открылось для него в образе героя Достоевского.

Главной в папиной жизни стала именно эта роль. Работая над ней, он узнал, что надо, оказывается, не играть, а стараться БЫТЬ, жить в образе. Пытаться открыть внутренний

мир героя, попытаться познать себя.

Образ князя Мышкина был решен на таком высоком уровне, что стал откровением не только в папиной творческой биографии, но и во всей театральной жизни страны. Отец часто говорил о Мышкине: «Я ничего не играл. На глазах жил, на глазах умирал». Из прекрасного человека, подобного ангелу, к концу спектакля уходил ум, рушилась человеческая гармония, и на сцене сидел идиот. Можно сказать, что на этом спектакле зрителей посещал гений Достоевского. Они приобщались к миру удивительного героя – Льва Николаевича Мышкина. Шел конец 1957 года. Когда наше общество очень нуждалось в доброте, очень нуждалось в человеке, совпали – и драматургия Достоевского, и момент времени.

Четвертая новелла. Гамлет, Деточкин и другие

«После “Гамлета” я получил почти двенадцать тысяч писем. Из них, пожалуй, в трех-четыре тысячи пишут: “Как Вы точно сыграли Гамлета, я таким его себе и представлял (представляла)”. Первое время я думал: “Что же это такое? Так просто? Так легко? Это издевательство, что ли? А четыре месяца мучительных репетиций у меня дома с режиссером Розой Сиротой, которые помогли выявить существо моего Гамлета?”.

Теперь я знаю, что всех этих людей, написавших взволнованные строки, повело за собой и объединило желание увидеть активно воплощенное, борющееся, побеждающее добро. Не зло, только добро – и сто раз добро! Труд и друзья помогли извлечь корни из моих неизвестных и объединить их в известной жизни шекспировской трагедии. Люди у станков, за чертежными досками, за рулем, возвращающие хлеб и покоряющие просторы вселенной, – все они жаждут знать свое время, его веяния, его суть».

Место, где снимался «Гамлет», находится в Эстонии и называется обрыв Тюрисалу, неподалеку от пляжа Вяэна Йыэсуу. «Мой папа работает Гамлетом», – сказал брат Филипп, когда его привезли на съемки фильма Григория Козинцева. У режиссера на съемках всегда стояло кресло с его фамилией. Григорий Михайлович говорил: «Филипп, когда кресло свободно – можешь садиться, если хочешь». И он садился. Когда материал – отснятые дубли – возили отсматривать в Таллин, Филиппа брали с собой, и Козинцев спрашивал его мнение, когда отбирал дубли.

А на первом просмотре фильма Филипп испугался на том месте, когда в ухо короля льют яд, и сказал: «Не хочу больше смотреть этот фильм – он плохой. Папа, – сказал он, – лучше бы ты играл Гулливера»...

Отец никогда не играл себя. Это всегда было перевоплощение. А Сергей Герасимов – наш замечательный режиссер, сказал о нем так: «Смоктуновский – эталонный актер. Его

актерская амбиция не позволяет ему растворяться в роли, но явить чудо превращения». То есть он становился тем человеком, которого играл. Он становился Мышкиным, это был живой Мышкин, который выходил к нам со страниц романа Достоевского. Он был Гамлетом, Деточкиным, проживая все эти жизни.

Когда Козинцев предложил отцу сняться в роли Гамлета, он сначала не решался. Но мама сказала ему: «У тебя есть прекрасный помощник – Вильям Шекспир!». И папа стал сниматься. Он начал учить английский язык. Чтобы понять, глубже осмыслить Шекспира, отец сравнивал разные переводы: Лозинского, Морозова, Пастернака. И стал работать, углубляться, подниматься до шекспировских высот. Во время подготовки к съемкам он занимался с тренерами фехтованиями и верховой ездой.

Отец очень полюбил те места, где снимался фильм. Ландшафт, замок Эльсинор, который был специально построен для съемок. Роль Гамлета потребовала от папы максимального напряжения и мобилизации всех сил. И снова артисту Смоктуновскому необходимо было прожить непростую судьбу принца Датского.

И сейчас, когда я смотрю этот фильм, то я и вижу настоящего Гамлета – да, это действительно он. Фильм побил рекорды по всем призам и наградам. Английское телевидение снимало фильм «Пять великих Гамлетов». Вот они, замечательные актеры: Пол Скофилд, Майкл Редгрейв, Лоуренс

Оливье, Джон Гилгуд... Иннокентий Смоктуновский.

За роль Гамлета в 1965 году отец был удостоен звания лауреата Ленинской премии – главной в то время премии за достижения и заслуги перед государством.

Отец не только снимался, но и сам очень любил кино. Он преклонялся перед великими мастерами, режиссерами и актерами: Ингмаром Бергманом, Федерико Феллини, Микеланджело Антониони, Джеком Николсоном, Сергеем Эйзенштейном, Михаилом Роммом, Аркадием Райкиным, Михаилом Калатозовым.

Но особенно он обожал Чарли Чаплина, фильмы которого видел еще в юности. Судьба преподнесла ему чудесный подарок – возможность вплотную приблизиться к искусству великого комика.

Режиссер дубляжа Елена Арабова предложила отцу дублировать фильмы Чаплина «Огни рампы» и «Король в Нью-Йорке». И он, отказавшись от отпуска, не задумываясь, согласился. Мы с мамой ходили на эти дубляжи с удовольствием, как на праздник. Папина вдохновенная работа была завораживающим зрелищем. Помню, тогда и мне предложили озвучить маленький кусочек, это было очень интересно.

Об озвучивании Чаплина отец говорил: «Слово “дубляж” с нашей работой как-то не вязалось. Просто мы старались помочь герою Чаплина заговорить на русском языке. И еще очень хотели передать зрителям наше преклонение перед искусством замечательного артиста. Вместе с режиссером и ре-

дактором мы по многу раз возвращали на экран один и тот же эпизод, чтобы из разных вариантов текста выбрать лучший. А вместе с нами трудились звукооператор, монтажер, переводчик, укладчик текста, актеры...»

Мне бы хотелось, чтобы эти прекрасные фильмы Чарли Чаплина «Король в Нью-Йорке» и «Огни рампы», в которых он говорит голосом моего отца, хоть изредка бы показывали по телевидению или в кинотеатрах.

Пятая новелла. Моцарт, Чайковский, Сальери и Бах

«Музыка была действующим лицом фильма “Чайковский”, она в нас пела, все время в нас звучала. Окунуться и быть рядом с музыкой, с этой прекрасной личностью, гением, который страдал и был несчастен... Счастьем для нас стало с состраданием отразить его жизнь».

Музыка в жизни моего отца занимала очень большое место. Что он любил особенно? Владимир Горовиц – любимый исполнитель.

Когда я занималась в музыкальной школе и разучивала пьесы на пианино, если в это время папа был дома, то он с интересом слушал и начинал читать стихи Пушкина или сонеты Шекспира. Когда я разучивала Баркаролу Баха, то папа начинал читать Пушкина «Вновь я посетил...», и музыка

становилась фоном для поэзии.

Любил он и духовную музыку, хоровое исполнение, джазовую музыку (особенно в исполнении Луи Армстронга). В кино и на сцене ему приходилось играть великих композиторов: Моцарта, Баха, Чайковского. И, конечно, когда он играл их, особенно Петра Ильича Чайковского, он был весь проникнут музыкой, он ею жил. В фильме «Чайковский» он и играл, и дирижировал. Дирижировать, вернее, обрести необходимые навыки, отца учил известный дирижер Юрий Темирканов. Занятия с Темиркановым и оркестром назначались рано утром или поздно вечером, когда оркестранты были свободны от текущих репетиций и концертов.

Папа любил русскую народную песню «Летят утки», иногда я слышала, как он ее напевал.

Показатель уникальной трудоспособности и востребованности Смоктуновского всегда был очень высоким.

Я хорошо помню, как однажды вечером, когда папа ушел в театр играть Иудушку Головлева в спектакле «Господа Головлевы», в то же время в кинотеатре «Зарядье» демонстрировали фильм «Гамлет», по телевидению шел «Чайковский», а по радио доносилась повесть Пушкина «Метель» голосом отца.

Шестая новелла. «Тверд орешек! Он для грядущего, как видно, будет впору...»

«Пушкин близок нам и дорог уже и тем, что был поразительно подвижен, весь соткан из забот сегодняшнего (тогдашнего), сделавший жизнь свою борьбой и мукой, переплетая с радостью и подвигом ее».

«Пушкин для меня – загадка, тайна», – говорил отец. Все произведения А. С. Пушкина были его настольными книгами. Он одинаково любил и поэзию, и прозу, его исторические изыскания, критические статьи, и еще более был восхищен самим Пушкиным – человеком, личностью, его характером.

Отец постоянно читал и перечитывал Пушкина. Он говорил, что Александр Сергеевич стал у него вторым, неотъемлемым «Я», его генами. Папу восхищал волшебный пушкинский дар и то, что поэт силой своего таланта наделяет все и вся неповторимой прелестью причастности ко всему русскому.

Папа специально посещал Пушкинские горы, был на могиле поэта в Святогорском монастыре, ездил по пушкинским местам, побывал в Болдино.

Пушкин сделался его пожизненным спутником и художественной целью. У него даже была мечта – играть самого

Пушкина, но этому не суждено было случиться. Отец довольно много читал Пушкина на радио, записывал «Евгения Онегина», «Метель», «Капитанскую дочку», «Медного всадника», «Бориса Годунова». На фирме «Мелодия» вышла пластинка с записанным телеспектаклем «Маленькие трагедии» режиссера Леонида Пчелкина, где отец сыграл Моцарта, и телефильм «Маленькие трагедии» режиссера Михаила Швейцера, где отец уже играл Сальери и скупого рыцаря.

Папа считал, что у Пушкина надо учиться постигать богатство языка, пиршество поэзии, учиться пользоваться плодами его великого ума и вдохновения, преклоняться перед самозабвенным служением правде, людям, добру, ненавидеть компромиссы.

Мне хочется процитировать одно из самых любимых папиных стихотворений Пушкина:

*О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, сын ошибок трудных,
И Гений, парадоксов друг,
И Случай, бог изобретатель...*

Для отца это было поэтической формулой жизни и творчества. И еще одна любимая папина строчка из Пушкина: «Нет, весь я не умру...»

В своей книге «Быть!» отец пишет:

«Должно быть, только спецификой моей работы

(искать в каждом направлении жизни, творчества, горения – первородность, основу, реактор всех этих непростых начал: человека) можно несколько оправдать мой столь безусловно спорный и в чем-то парадоксальный подход к самому Пушкину и к его вдохновенному труду... Тверд орешек! Он для грядущего, как видно, будет впору. Иль случая, быть может, ждет и ищет он. Придут новые Шаляпин с Мусоргским – и ларчик отопрут...»

К записи на радио отец всегда очень тщательно готовился, и так же всецело и вдохновенно ей отдавался и относился очень трепетно.

На запись он всегда брал с собой термос с чаем и тапочки. Чай он пил, чтобы поддерживать голос – ведь смены бывали по многу часов. Туфли он снимал и надевал тапочки, чтобы не скрипнула половица, чтобы никакой нечаянный звук не отвлек бы и не помешал идущей записи.

Вот как сам отец писал об этой работе:

«Особая ситуация возникает при исполнении литературных произведений на радио. Оно диктует свои приемы. Здесь все – в слове, все – в литературе, в авторе произведения. Ведь работа на радио – это тоже поиски своеобразного синтеза, так как исполнитель – актер – один, а в воображении слушателей возникают образы самых разных персонажей. Здесь особенно важно разнообразие интонаций; порой же созданию общего впечатления должна содействовать музыка как

аккомпанемент актеру.

Для меня была очень важной работа на радио над гончаровским “Обломовым” с режиссером Л. Фокиной и над текстами Паустовского с режиссером М. Турчинович.

Кроме того, тут же, на радио, я имел возможность еще раз прикоснуться к творчеству самых дорогих для меня писателей, именно здесь, столкнувшись с перевоплощением в образы нескольких героев одновременно – задачей исключительно сложной для актера. Я имею в виду исполнение «Метели» Пушкина (режиссер Э. Верник) и нескольких глав – первой, третьей и пятой – из «Идиота» Достоевского (режиссер Л. Фокина)».

Вот как вспоминает о работе с отцом Эмиль Верник: «Творчество Пушкина – это особая страница в творческой биографии Смоктуновского, в том числе в его работе на радио. Я с ним записал “Метель”. С каким волнением, отдачей, с какой любовью он работал! Записывали один дубль, второй... Затем монтировали, и я пригласил прослушать запись «Метели» композитора Георгия Свиридова, чью музыку использовал в этой передаче. Георгий Васильевич высказал много хороших слов в адрес Иннокентия Михайловича, отметил глубину и тончайшее понимание актером пушкинской интонации».

Эмиль Григорьевич Верник записал вместе с отцом в разные годы восемь передач «Капитанской дочки», циклы сти-

хов, всего «Евгения Онегина», фрагменты из «Бориса Годунова», детские произведения «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях» и «Сказку о царе Салтане...»

Эмиль Григорьевич вспоминает, что к замечаниям папа относился очень внимательно, просил записывать дубли и часто спрашивал: «Ну а теперь хорошо? Нет, нет, ты не стесняйся, я повторю еще раз».

Много писем приходило на радио на имя отца. Была даже специальная передача «Встреча с Иннокентием Смоктуновским» по письмам радиослушателей. В одной из таких передач отец высказался примерно так: «Говорят, стихи – это музыка, нельзя нарушать ритм. А я и не нарушаю. Просто я читаю более сложно, чем привыкли читать. Я мучительно, жестко стараюсь сохранить ритмы, но позволяю себе довольно свободно существовать внутри них. Нет, нет, я знаю и понимаю, что такое стих».

На радио он встречался с разными режиссерами, как в литературно-драматическом вещании, так в детском и музыкальном. Его записи бережно хранятся в «Золотом фонде» отечественного радио. Это около пятидесяти произведений русской и зарубежной классики.

Также подобные записи осуществлялись на студии фирмы «Мелодия».

Седьмая новелла. Говорящая собака Жан и другие

«Дети почему-то все больше рисуют ракеты, неведомые, вздыбленные миры, и мы уже научились оттуда смотреть на нашу маленькую Землю. Земля отливает голубой позолотой, и от нее исходит такой покой, такая тишина, что хочется поскорее вернуться к себе домой, на Землю, и верить, что она не может быть иной. Если дети рисуют Землю мирной и доброй, манящей и ждущей, мы не вправе обмануть их надежд».

Детство моего папы прошло среди животных. Его родители держали поросят, корову и телят. Маленький Кеша особенно любил коров и телят. Он говорил, что коровы – очень умные животные.

Папа нам с братом рассказывал, что он их мыл, кормил, ухаживал за ними, убирал, а когда появлялись маленькие телята, то зимой их забирали в дом, чтобы не замерзли.

Были в доме и кошки, и собаки. Кошку звали Дунька. Папа очень смешно рассказывал, что, когда женщины ссорились, кошка, выпучив глаза, растаскивала их за юбки в разные стороны.

А еще он говорил, что животные не любят ссор, повышенных голосов, и уже одним этим способствуют хорошим отношениям в семье.

Когда у папы появилась своя семья, стремление иметь в доме животных осталось. У нас был аквариум с разными рыбками: барбусами, меченосцами, гуппи. Одно время мы держали дома волнистых попугайчиков, их подарили папе во время очередного авиаперелета. Папу везде узнавали, и очень часто люди хотели сделать для него что-то приятное. И в самолете один человек, который вез попугайчиков, подарил их папе.

Наконец, дошла очередь и до собаки. Мы с папой очень хотели взять собаку. И вот знакомые нам предложили щенка. И у нас появилась прекрасная собака по кличке Жан – американский кокер-спаниель чудесного облика. Он был очень красивым и умным. Папа очень полюбил нашего Жана. Даже пробовал его немного дрессировать. Жанчик старался изо всех сил подражать звукам, и вот, чтобы получить награду в виде куска колбасы или сухарика, он научился выговаривать слово «ма-ма». Постепенно у него стало очень хорошо получаться пролаивать «ма-ма».

В нескольких фильмах отец снимался с собаками. Целая собачья свора оказалась около него в фильме Александра Алова и Владимира Наумова «Легенда о Тиле», где он играл короля Карла V. В кадре был добрый десяток собак, которым Иннокентий Михайлович щедрой королевской рукой раздавал куски мяса. Чтобы собаки проявляли больше активности, их до съемки не кормили, поэтому они так бросались на папу, что ему становилось страшновато. Но никто из них

его не укусил, лишь одна лязгнула зубами по фаланге пальца. Папа говорил, что в этих сценах стоило быть очень аккуратным, не надеясь на тактичность собак.

В фильмах «Гамлет» и «Первая любовь» отцу пришлось обучаться верховой езде, чтобы уметь в кадре обращаться с лошадьми. Эта часть работы тоже требовала от него большой ответственности, но, вместе с тем, очень ему нравилась. Во время съемок «Гамлета» у папы был свой тренер по верховой езде. Три месяца отец специально обучался этому виду спорта ежедневно. За ним была закреплена лошадь. Но однажды произошла неприятность. Иннокентий Михайлович летел на лошади по лесной дороге, на которой внезапно оказался забор. И лошадь, не успев сбавить скорость, ударила всадника о забор. У него была повреждена нога, и некоторое время папе пришлось ходить на костылях.

Восьмая новелла. Мама – лучший папин друг

«В период подготовки новой работы у артиста порой наступает кризисный момент, когда он не в ладах не только с ролью, пьесой, партнерами, собой, но больше всего – с тем эгоистом, который прочно устроился в нем самом. И никакие разговоры, увещевания, обращенные к этому квартиранту, ни к чему доброму не приводят – они бесполезны. Меня довольно часто посещает этот товарищ. С каким бы рас-

прекрасным режиссером ни работал в этот «час-пик», едва ли не против своей воли обрушиваешь на него град неуважительных взглядов, мыслей, а порой и реплик, вспоминая которые, через какое-то время буквально корчишься от стыда и раскаяния. А бедные родные – они герои-мученики. Я, например, едва ли не вслух убеждаю себя, уговаривая: «Ну держи себя в руках», и в это время у себя дома кого-то из домашних уже стригу глазами и закатываю долгие монологи по поводу холодного чая, что, впрочем, совсем не исключает более повышенных тонов, когда чай горяч и я поношу всех жаждущих сжечь мне горло. Виноваты все, во всем, всегда и всюду. Эти мои вывихи дома терпят, стараются не замечать, но все равно это зло не украшает нашей жизни, отнюдь.

Видя, что метод поглаживания по шерстке еще больше ощетиливает меня, жена попыталась однажды погасить этот ненужный пламень путем подбрасывания сухих веточек в него:

– Да-да, конечно, жизнь не удалась, ты несчастен, у тебя все плохо, и с тобой все ясно и кончено.

– Перестань паясничать, какая ты, право...

– Да, я такая... а ты... посмотри, посмотри на свой пиджак.

– На какой еще пиджак я должен смотреть, когда я сижу в халате и ем совершенно сырые яйца... просил всмятку, всмятку, я просил... так нет же, еще я должен озираться на какие-то сюртуки. Что за дикая фантазия!

– Ты сам почему-то взял сырые, вареные вот.

...Никогда не пойму этих женщин, право, никакой последовательности.

– А на пиджак посмотри... не лишнее, я сейчас принесу...

Все походили с ума. Там режиссер требует: подавай ему жизнь человеческого духа, видите ли. Причем смотрит на меня так, словно готовится проглотить зонд для пробы желудочного сока, здесь пиджаки какие-то должен высматривать... все сговорились довести, добить...

– Где газета сегодняшняя?

– А что, там сказано, как ты должен делать своего Иванова? Вот она.

– Там не сказано, как я должен делать Иванова, но там, может быть, я смогу найти ответ, на какой пиджак и зачем я должен глазеть.

– Ты напрасно злишься... Даже в самых дерзких своих мечтах ты не мог и предположить, что грудь твою будет украшать премия Ленина, что ты станешь Народным, что будешь необходим, с тобой будут считаться, хотеть работать, встречаться, говорить, видеть. Вспомни, дорогой...

Притащила пиджак и держит на вытянутых руках этакой ширмой передо мной... И молчит!.. Нет, жены – невозможный народ. Знает же прекрасно, что это лауреатство составляет тайную и явную мою гордость».

Первые шаги в творческой судьбе, с устройством на рабо-

ту в Москве, папе помогала сделать его будущая жена, моя мама, Суламифь Михайловна. Она в то время работала в театре имени Ленинского комсомола художником по костюму, заведующей пошивочным цехом театра и очень любила свою работу. Мама окончила ТХТУ (Театральное художественно-техническое училище) – старейшее средне-специальное театральное учебное заведение Москвы.

В театре они и познакомились. Заканчивался сезон, и папа еще не был официально зачислен в труппу театра – он работал на разовых ролях не в штате. Жил очень тяжело, можно сказать, впроголодь.

Тогда по просьбе мамы одна из работниц пошивочного цеха, которая была личной портнихой знаменитой Марины Ладыниной и ее другом, попросила Марину Алексеевну помочь молодому начинающему актеру. Решающим стал человеческий фактор. Ладынина – известная актриса и добрый человек, обратилась к своему бывшему мужу Ивану Пырьеву, с которым она оставалась в хороших отношениях. Пырьев был в то время директором Мосфильма и директором Театра-студии киноактера.

Ладынина добилась аудиенции у Пырьева для молодого Смоктуновского. А весь пошивочный цех занялся подготовкой костюма, рубашки и галстука для этой важной встречи. И костюм был сшит в течение двух дней. Иван Александрович очень приветливо встретил молодого неизвестного актера, беседовал с ним и дал рекомендательное письмо

в Театр-студию киноактера. Когда Иннокентий Михайлович пришел с этим письмом, его приняли, несмотря на то, что он там уже был раньше и пытался поступить в труппу театра, а ему отказали. Но теперь он был зачислен актером третьей категории. И хотя категория была низшая – это стало большой победой. Жизнь в корне изменилась. В то время мама с папой поженились. А в 1957 году родился мой брат.

Мама всегда была папиной верной помощницей и советчицей. Не говоря о том, что все заботы о доме, о детях легли на ее плечи. Благодаря маминему неутомимому домашнему труду и великолепному вкусу у нас дома всегда было чисто, уютно и красиво.

Папа очень высоко ценил ее мнение и доверял изысканному вкусу. Когда мама говорила, что к этому костюму лучше подойдет вот такая рубашка или к такому костюму лучше надеть другой галстук, папа всегда прислушивался к ее советам. И потому он всегда выглядел очень элегантно.

А еще мама прекрасно готовила. Папа любил все, что бы она ни сделала: вкуснейший борщ, прекрасную домашнюю лапшу, котлеты, картофельное пюре, салаты, компот.

А любимым отдыхом было покопаться в земле в небольшом садике на нашей даче под Ленинградом, где росли прекрасные нарциссы, эшольции, гайлардии, ноготки, настурции и была чудесная альпийская горка.

Потом, когда мы переехали в Москву, с большим трудом, но и с увлеченностью папа и мама построили новую дачу. И

здесь они тоже очень любили вместе заниматься в земле разными посадками. На подмосковной даче у нас росли очень красивые ирисы, трюлиусы, лобелия. Папа сам сажал деревья: яблоню, малину, иву. Родители прожили вместе тридцать девять с половиной лет, почти сорок.

В одном интервью папа сказал:

«Для меня семья – это в первую очередь жена: здесь – тепло, любовь, надежда, вера, уют, достоинство, и мораль, и нравственность. И если о том спросить, что же такое Смоктуновский, то это во многом моя жена. Потому что во мне были, наверное, заложены какие-то добрые, высокие чувства, но они дремали. Одухотворение, творческое состояние, все прекрасное открылось во мне за время моей совместной жизни с этим замечательным человеком – Суламифью Михайловной Смоктуновской».

Заключительная новелла. Память о папе

«Все чаще прихожу к выводу, что есть, должно быть, особое, до непонятного бескорыстное и оттого, очевидно, вымирающее племя творческого люда на Руси – оно немногочисленно, как говорят в народе: “раз-два и обчелся”, однако племя это столь могутно, что щедро заряжает время и современников своей одухотворенностью и началом созидания, и пока мы

находимся во власти этого их влияния – мы творчески сильны и богаты».

Существует Благотворительный фонд имени И.М. Смоктуновского «Золотой Пеликан». Он был создан в 1992 году, когда многие деятели культуры оказались в очень тяжелой жизненной ситуации.

Первым президентом фонда стала великая балерина Галина Уланова. В самом начале его деятельности мой отец тоже принимал активное участие в этой работе. Помимо него в Совет фонда входили такие выдающиеся люди, как драматург Виктор Розов, режиссер Детского музыкального театра Наталья Сац, а также прекрасные актеры Владимир Зельдин и Людмила Касаткина. Руководит фондом со дня его основания и по сей день – редактор Телерадиокомпании «Останкино» Дмитрий Федорович Власов.

Ежегодно фонд проводит множество благотворительных мероприятий: встречи ветеранов театра и телевидения, организует помощь малоимущим актерам, проводит театральные фестивали, в которых нет победителей и побежденных, а есть только участники.

В совете фонда сейчас работают такие наши замечательные актеры, как Вера Васильева, Ирэна Морозова, Юрий Васильев.

Также в работе фонда участвуют театроведы и историки театра.

С 1995 года я тоже погружена в эту работу. В 2000 го-

ду выступила на фестивале «Актер конца XX века» с моноспектаклем «Меня оставили жить...» по военным воспоминаниям отца и стала лауреатом. А позже начала участвовать в работе экспертного совета в различных фестивалях, проводимых фондом.

В 2020 году фонд стал проводить фестиваль «Нам дороги эти позабыть нельзя», посвященный 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Конечно, пандемия и борьба за здоровье людей заставили поменять планы, но фестиваль был проведен, и работа продолжается.

Недавно замечательная актриса и певица Ирэна Морозова сказала мне: «Главное – надо верить. Верить в добро. Делать добро».

Эти слова могут стать девизом фонда, как они были девизом моего папы Иннокентия Михайловича Смоктуновского всю его жизнь.

Суламифь Смоктуновская. Непостижимая жизнь актера

«В Московском театре имени Ленинского комсомола, где она работала, шел какой-то спектакль. Дверь из ложи отворилась. Я тогда впервые увидел ее. Мгновение задержавшись на верхней ступени – двинулась вниз.

Тоненькая, серьезная, с охапкой удивительных тяжелых волос. Шла не торопясь, как если бы сходила с долгой-долгой лестницы, а там всего-то было три ступеньки вниз. Она сошла с них, поравнялась со мной и молча, спокойно глядела на меня. Взгляд ее ничего не выспрашивал, да, пожалуй, и не говорил... но вся она, особенно когда спускалась, да и сейчас, стоя прямо и спокойно передо мной, вроде говорила: “Я пришла!”

– Меня зовут Иннокентий, а вас?..

Должно быть, когда так долго идешь, а он, вместо того чтобы думать о будущем, занят всякой мишурой, вроде поисков самого себя, стоит ли и говорить-то с ним.

И она продолжала молчать.

– Вас звать Суламифь, это так? Я не ошибся?

– Да, это именно так, успокойтесь, вы не ошиблись. Что вы все играете, устроили театр из жизни – смотрите, это мстит.

Ну вот поди ж – узнай, что именно этот хрупкий

человек, только что сошедший ко мне, но успевший, однако, уже продемонстрировать некоторые черты своего характера, подарит мне детей, станет частью моей жизни – меня самого...»

Семья – это совершенство. Ни больше, ни меньше. Любящая семья – это постоянное творчество.

Что нужно, чтобы стать хорошей женой? Надо уметь готовить хорошие котлеты. Вкусные. Остальное – это уже потом. В семье главное – кухня. Умение из чего-то на очень небольшие деньги сделать чудесный обед. Вот это искусство. В нашем доме при Иннокентии Михайловиче основным питанием были овощи. Капуста тушеная, простое картофельное пюре. Чудесное, пышное, взбитое такое, знаете? Иннокентий Михайлович очень любил такие простые блюда. Когда это приготовлено с любовью, то это та самая пища, которая необходима. Которая приносит какое-то удовольствие, а не только насыщает. Ведь плохо, равнодушно приготовленный обед, он же не может давать положительные эмоции.

Конечно, большая часть интересов Иннокентия Михайловича была вне дома, ведь стремился-то он к своей работе. Но чтобы ее выполнять, нужно было много сил иметь. Поэтому дома все должно было быть очень как бы легко и непринужденно, чтобы не отвлекать его, не раздражать ничем. Это он и любил.

Конечно, часто он бывал уставший и вымотанный, но это не значит, что его настроение как-то влияло на отношения.

Все домашние понимали и старались безукоризненно следить, прежде всего, за собой. И, конечно, не обращать внимания на какие-то проявления усталости Иннокентия Михайловича, потому что после такой эмоциональной отдачи в ролях, в спектаклях, разве можно было ожидать какого-то хорошего такого, благостного состояния? Конечно, уставший человек всегда может что-то неправильное сказать, наверное, какой-то пар выпустить, как иногда говорят. И он это делал. Но ведь это свидетельствовало о большой нашей нужности для него. Все это мы преодолевали, опять же, любовью, нас это нисколько не смущало. Мы понимали, что значит где-то наша накладка, где-то что-то мы не так сделали, недостаточно были внимательны к нему. Такие люди, как Иннокентий Михайлович, должны пользоваться безукоризненным вниманием, все должно быть подчинено их творчеству. В этом и состояла моя задача как жены. И это не так уж было и сложно, требовало не очень больших усилий, просто надо это понимать. Да и сама жизнь подсказывает. Надо уметь слушать эту жизнь, что она хочет от вас в отношениях с мужем. И надо жизни соответствовать.

* * *

Когда мы познакомились, Иннокентий Михайлович был весь в поисках. Он приехал в Москву, чтобы устроить свою актерскую судьбу. Пытался поступить в театр Ленинского

комсомола, где я работала заведующей пошивочным цехом, художником по костюму.

Здесь я впервые его увидела. Это было в начале 1955 года. Иннокентий Михайлович туда «показывался», существует так называемая система показов, иными словами, прослушивание. Он понравился, выступил очень успешно, но в основную труппу его не взяли. Софья Владимировна Гиацинтова – замечательная актриса, чудесный человек, наш главный режиссер, сказала ему: «Иннокентий Михайлович, у нас нет штатных единиц. Я буду хлопотать, но пока вы можете продолжать участвовать в наших спектаклях на разовых ролях». Это было участие в массовках, статистом, в маленьких ролях и эпизодах. Иннокентий Михайлович, конечно, согласился. Таким образом, какой-то мостик, связующий с театром, все-таки оставался.

Он не падал духом. Это был человек величайшего мужества, отваги, безукоризненной целеустремленности. И поддержку от друзей, конечно, он тоже чувствовал. Были актеры нашего театра, Римма и Леонид Марковы, замечательные, очень колоритные театральные актерские индивидуальности, которые ему помогали. Познакомился он с актерской четой, Валентином Васильевичем Бектиным и его женой, Марицей Викторовной Донцовской, это были чудесные актеры и прекрасные люди. Они его даже приютили на какое-то время.

В нашем пошивочном цехе, с которым Кеша был уже

очень связан по работе, потому что в нем обязательно подгонялись костюмы для участников массовок, тоже нашлись друзья. Должна сказать, что для массовки костюмы не шились специально, но им подбирали что-то подходящее. И отсылали в наш пошивочный цех: «Идите, там костюм вам подгонят по фигуре».

Иннокентий Михайлович пришел в каком-то огромном комбинезоне, который был ему размера на два больше. И Ваня Толкушкин, наш портной, очень быстро взялся за это дело. В общем-то, мы всех актеров всегда встречали с пониманием, ведь актеры в то время были очень бедные, не всегда ухоженные, а здесь можно было всегда какую-то помощь получить. Ваня Толкушкин – это была такая палочка-выручалочка, он отутюживал, пришивал пуговицы, штопал, чинил, ушивал.

Иннокентий Михайлович тоже от нас получал какую-то поддержку. Потом наступила весна, надо сказать, чудесная, он появлялся уже с каким-то букетиком мимозы или подснежников. Мы были молодые, веселые, свободные. И между нами, естественно, возникло очень теплое, светлое чувство. К концу театрального сезона мы поженились. Одна наша сотрудница вызвалась помочь с трудоустройством Иннокентия Михайловича. Она была личной портнихой жены знаменитого режиссера, у которой, естественно, были большие связи.

Когда мы поженились, Иннокентий Михайлович, конеч-

но, переехал в дом моих родителей. Вышла я замуж не за великого, прославленного актера, а за дорогого для меня человека по глубокому взаимному чувству – очень ответственной любви. И в дальнейшем, когда мы прожили какое-то время, Иннокентий Михайлович стал прославленным, знаменитым, пользовался бесконечным вниманием и интересом со стороны окружающих, все равно мне-то он оставался дорог как нежный друг, чудесный муж, отец наших детей, которых он бесконечно любил.

А тогда, когда он был никому не известным актером, наша портниха, которая обещала помочь, действительно добилась для Иннокентия Михайловича аудиенции у знаменитого режиссера Ивана Александровича Пырьева. Пырьев тогда был очень влиятельным директором «Мосфильма», и при этом очень добрым человеком. Жизнь показывает, что человеческий фактор – это, в конце концов, основа всего. И вот пошел Иннокентий Михайлович на прием к директору киностудии «Мосфильм». Иван Александрович встретил его очень приветливо, беседовал с ним, внимательно на него смотрел. Потом он дал Иннокентию Михайловичу запечатанное письмо и сказал: «С этим письмом пойдите на студию киноактера. Желаю вам успеха и думаю, что успех будет обеспечен».

Иннокентий Михайлович поехал в Театр-студию киноактера, где он уже бывал, кстати говоря, до этого, и где первый раз, когда его увидели, несчастного и оборванного, сказали: «Да что вы? Нам электромонтеры не нужны». Он предста-

вился актером, но ему сказали: «С таким лицом кто вас будет снимать? Вы не можете сниматься с таким лицом». Тогда он ушел ни с чем. А теперь вернулся с письмом от самого Пырьева.

И 25 июля, как сейчас помню, 1955 года Иннокентий Михайлович был зачислен в Театр-студию киноактера 3-й категории. И это в корне поменяло всю нашу жизнь. Немедленно Иннокентия Михайловича стали вводить в спектакли. Там была большая текучка кадров. Актеров вызывали на съемки, и нужны были замены. Иннокентия Михайловича ввели в какие-то спектакли, и буквально через несколько дней он с театром уехал в длительную гастрольную поездку.

Когда он вернулся с гастролей, в Театре киноактера шли репетиции маленького спектакля Бернарда Шоу «Как он лгал ее мужу». Там была занята замечательная актриса, Елена Александровна Кузьмина. Жена и друг Михаила Ильича Ромма. Она репетировала уже достаточно долго, но партнера ей никак не могли подобрать. И вдруг она встретила Иннокентия Михайловича, побеседовала с ним и поняла, что надо его попробовать на эту роль. Он очень живой, он интересный, и так необычно двигается. Пригласили его на репетицию, поначалу все шло очень тяжело, мучительно. У Иннокентия Михайловича первый опыт на столичных подмостках был довольно-таки сложный. Но Елена Александровна – удивительный человек, все-таки, опять же, человеческий фактор. Она не отказывалась и терпеливо добива-

лась результата. И вместе они добились успеха. Отрепетировали, и спектакль пошел. Иногда на спектаклях присутствовала Татьяна Березанцева – была такая женщина-режиссер в Театре киноактера. Посмотрела и сказала: «А вы знаете, можно снять чудесный маленький фильм». Она сама написала сценарий, по которому сняла фильм. И фильм получился замечательный. Иннокентий Михайлович самозабвенно играл роль молодого влюбленного поэта. Очень живо, изящно, искренне. Это был первый фильм Иннокентия Михайловича. Хотя все же начало было очень мучительное...

Помню, как Кеша приходил и говорил: «Не знаю, не знаю, как мне это все играть». Но Иннокентий Михайлович был одарен уникальным свойством. Он не имитировал чувства, он их не изображал, он являл чудо перевоплощения. Он становился тем человеком, которого изображал. Это было поразительно. Когда я сама видела его в каких-то ролях, это был другой человек. Это не был мой муж, отец моих детей, это был не тот, кто жил с нами рядом. Это был какой-то удивительный человек. Мы его так и воспринимали. Такое двойственное отношение. Дома он никогда не подавлял домашнюю обстановку своим величием, какими-то репетициями или чем-то еще. Он готовился к перевоплощению совершенно незаметно. И, видимо, еще помогало основное его, опять же, уникальное, свойство – колоссальная интуиция, непосредственное чутье, которое всегда в нем присутствовало.

Так было и в спектакле «Идиот», где, конечно, эта по-

трясающая интуиция Иннокентия Михайловича и вывела к созданию поразительного образа. Это была очень сложная роль, и в театре с большим недоверием в середине репетиционного периода начались всевозможные обсуждения и предложения, что надо снимать Смоктуновского с роли, не получается у него. И все-таки в какой-то момент интуиция ему помогла, интуиция и наблюдательность. Неожиданно в каких-то кулуарах «Ленфильма» он увидел человека, который стоял и читал книгу, хотя кругом шла какая-то свистопляска. Люди передвигались, люди куда-то шли, и, значит, жизнь кипела, а человек стоял и читал. Иннокентий Михайлович обратил внимание на этого человека и что-то важное понял в роли. Отрешенность и удивительное внутреннее духовное движение. И он этого Сережу – так звали человека, которого он встретил – привел домой. Интересно было. Иннокентий Михайлович пришел и сказал: «Смотри, кого я тебе привел. Это будет Мышкин». И эта встреча его очень подтолкнула. Есть какие-то божественные, космические излучения. Здесь нам не дано понять жизнь гения, его творчество не поддается никакому математическому анализу. А существует, как некая загадка.

А до Мышкина был кинофильм «Солдаты». Александр Гаврилович Иванов, режиссер этого фильма, увидел как-то Иннокентия Михайловича в спектакле «Как он лгал ее мужу». И он ему понравился. Иванов сказал своим ассистентам, чтобы в Москве в Театре-студии связались с актером

Смоктуновским и пригласили к нему на пробы. У него было занято большое количество артистов, так как снимался полномасштабный военный фильм.

И вот приехала ассистент режиссера в Москву и просто увезла Иннокентия Михайловича на «Ленфильм». Там он познакомился с Виктором Платоновичем Некрасовым, автором повести «В окопах Сталинграда», которая легла в основу сценария фильма и где была замечательно описана военная жизнь. Вскоре Иннокентия Михайловича утвердили на роль. Во время съемок на «Ленфильме» он познакомился с актерами из БДТ – Евгением Лебедевым, Ефимом Копеляном и другими. И они ему сказали, что в их театре сейчас готовится спектакль «Идиот». И предлагали Иннокентию Михайловичу зайти побеседовать, попробоваться на роль Мышкина. Но Иннокентий Михайлович был увлечен работой в «Солдатах». К тому же у него на тот момент уже была семья, родился первенец – наша чудесная девочка, Наденька, и Иннокентий Михайлович спешил домой и в БДТ не пошел. Но когда съемки в «Солдатах» закончились, Лебедев посоветовал Товстоногову посмотреть этот фильм и обратить внимание на роль Фарбера, которую играл Иннокентий Михайлович. Лебедев сказал: «Вот же Мышкин. Ты посмотришь в его глаза, Георгий Александрович, и сразу поймешь, что это Мышкин». Так Иннокентия Михайловича пригласили в БДТ после фильма «Солдаты».

27 или 28 июля 1956 года Иннокентий Михайлович был

зачислен в труппу Большого драматического театра в Ленинграде.

Я тогда еще оставалась в Москве. У Иннокентия Михайловича началась такая мучительная работа по поиску рисунка роли князя Мышкина, к тому же у нас произошла страшная трагедия. Первенец наш, наша девочка Надя, скончалась 6-ти месяцев от роду. Это был тяжелейший удар, и для того, чтобы его пережить, конечно, нужно было какое-то время.

Иннокентию Михайловичу нужно было входить в новую сложнейшую роль и одновременно переживать постигший нашу семью удар – это была слишком большая эмоциональная нагрузка. Иннокентий Михайлович целиком втянулся в работу, в ней он находил спасение от личных переживаний, и все было подчинено этой роли. Еще бы, такой образ! Князь Мышкин, Достоевский!

А я никак не могла оторваться от своего пошивочного цеха, от своей тоже любимой профессиональной деятельности, и я все еще оставалась в Москве. К тому же жить-то в Ленинграде было негде. Но в конце 1957 года я все-таки оставила свою работу и приехала в Ленинград. Уже с маленьким сыном. Бог велик. Он дает нам спасение. Послал нам сына, чудесного мальчика. Когда мы приехали в Ленинград, с большим волнением я пошла на премьеру «Идиота».

На премьере все для меня было удивительно. Я сразу почувствовала атмосферу Достоевского. Георгий Александрович Товстоногов – величайший режиссер. Как ему уда-

лось создать такой шедевр? Думаю, и художники помогали, и осветители, был какой-то необыкновенный свет в этом спектакле. Как потом писали: это весна света, это Достоевский, это открытие. И, конечно, актеры потрясающие. Иннокентий Михайлович – это был живой Мышкин. Он вышел из Достоевского. Это не мои слова, так говорили выдающиеся деятели искусства и простые зрители. Евгений Алексеевич Лебедев – потрясающий Рогожин, фактура была такая, как будто это плоть от плоти Достоевский. Замечательный. И потом он был несколько обескуражен, что ему очень мало внимания оказывали. Всех так потряс Мышкин, что Рогожина как бы и не замечали. А Мышкин... Премьера – это же не единственный спектакль, а только начало начал. Перед артистом открывается возможность двигаться дальше в унисон с Достоевским. Пришел на спектакль внук Достоевского, посмотрел, пошел за кулисы к Иннокентию Михайловичу и сказал: «Иннокентий Михайлович, вы – гений». Это откровение Мышкина всем уже дало понять, что явился новый великий актер, гениальный актер, который нес с собой удивительный дух, атмосферу Достоевского, жизнь Достоевского.

Что тут сказать? У Иннокентия Михайловича началась совершенно новая жизнь. Как говорят, он в одночасье проснулся знаменитым. И слава, которая постепенно, но достаточно быстро стала расти и набирать силу, конечно, накладывала очень большую ответственность, влекла за собой новые обязанности и огромное нервное напряжение. Но в то же

время он продолжал все больше проникаться образом князя Мышкина, общался с тем же Сережей, который своими позами, жестами, движением, и не знаю, чем еще, послужил ему неким прототипом. Так что Сережа стал чуть ли не членом нашей семьи.

Конечно, вокруг Иннокентия Михайловича что-то происходило. В театре многие считали: «Подумаешь, какое это достижение?» Смоктуновский такой, какой он в жизни. Посмотрите, как он ходит, как он взял стул, как он сел. Он и играет самого себя. Но Иннокентий Михайлович, опять повторюсь, – величайший человек. Он как-то совершенно игнорировал все эти мнения, он продолжал удивляться судьбе Мышкина и проникаться этой жизнью, этой сложнейшей удивительной личностью, ведь и психически, и физически это же человек Достоевского. Конечно, сложнейшая была задача. Поэтому он в это время очень много читал.

Тогда же Иннокентий Михайлович стал более востребован, и вскоре посыпались ему бесчисленные приглашения на разные роли в кино. А жизнь в театре – это по-своему уникальная жизнь, это очень сложный организм, состоящий из многих людей, а актерская профессия сама по себе очень амбициозная. Ведь, как оказалось, на роль Мышкина претендовало очень много людей. У Товстоногова лежал целый список, и все они ждали случая, что вдруг понадобится замена и удастся Смоктуновского заменить. Но этого не произошло.

Только во время отпуска в театре Иннокентий Михайло-

вич мог сниматься, и в ближайший отпуск он поехал в Москву сниматься в картине «Неотправленное письмо».

Иннокентий Михайлович практически никогда не отдыхал. Его отдых состоял в том, чтобы заниматься творчеством. Либо он писал, либо он что-то дома делал, он очень любил возиться в земле на нашем дачном участке, это тоже своего рода творческая работа, и это не так просто. Посадка деревьев очень его увлекала: посадил иву, потом посадил березу.

Актер – это экстремальная профессия. Например, работа в фильме «Неотправленное письмо» – о геологах-разведчиках – была очень сложной. Снимали его Михаил Калатозов и Сергей Урусевский, в то время ведущие режиссер и оператор. Совершенно уникальные съемки проводились в экстремальных условиях – в горящем лесу, на замерзающих льдинах. Иннокентия Михайловича положили на льдину, и он плыл по течению на этой льдине, он примерз ко льду, но съемки продолжались. Его снимали даже на вертолете. Для работы в этой картине нужно было обладать невероятным мужеством. И все это Иннокентий Михайлович с блеском выполнял. Самозабвенно, самоотверженно. А «Гамлет»? «Гамлет» ведь тоже по-своему экстремален. Там нужна была верховая езда. Иннокентий Михайлович до этого никогда не сидел в седле, а тут появилась необходимость обучаться верховой езде. Ежедневно, в 7 утра, у подъезда уже стояла машина, и его увозили на обучение. Он очень увлекся

верховой ездой. Это был бесконечно восприимчивый человек. Просто на удивление.

«Гамлет» обошел все экраны мира, и, конечно же, его показали в Японии, где особенно почитается русское искусство, русский балет, русское кино. Фирма «Японское море» купила фильм для проката и пригласила Иннокентия Михайловича на премьеру. Но находился он там совсем недолго, это было связано с государственным подходом к заграничным командировкам граждан СССР. Но все-таки Иннокентий Михайлович выезжал за границу, был «выездной», в отличие от многих других артистов. В Японию его хоть ненадолго, но отпустили, где он тоже встречался со зрителями, там у него масса поклонников и по сей день. Недавно одна японская переводчица прислала нам письмо о встрече с Иннокентием Михайловичем. Есть даже фильм о его пребывании в Японии, который был создан фирмой «Японское море». И долгое время с ним поддерживал отношения президент этой фирмы, чудесный человек. Потом, когда он приезжал в СССР, то бывал у нас дома, мы его всегда принимали. А когда он провожал Иннокентия Михайловича из Японии, то уже буквально в аэропорту, незадолго до вылета, сказал: «Что же это мы ничего не передали для вашей жены? Что она любит?». Иннокентий Михайлович ответил: «Она любит бусы». Действительно, я любила бусы и смолоду их носила. Тот кому-то из своих подчиненных что-то сказал, и буквально через полчаса принесли какой-то сверточек. Когда Инноцен-

тий Михайлович прилетел домой, он мне преподнес эти бусы, ожерелье из японского жемчуга. Это такое тепло, удивительное чувство доброты, связь всех людей на этом маленьком земном шарике.

И если мы приезжали куда-то на отдых, я помню, в Болгарию, еще в советское время, ездили по особому приглашению, условия по тем временам были великолепные. И там началось: Иннокентий Михайлович захотел кататься на водных лыжах – к лодке цепляют лыжи и на скорости мчатся. Он встал и тут же поехал. Как будто всегда этим занимался. Никто не смог последовать его примеру, ни у кого не получилось. Он был единственным. И потом он в совершенстве овладел и этим искусством. Причем все очень легко и весело, с чувством, с отдачей.

А во время съемок «Гамлета», кроме верховой езды, начались занятия по фехтованию. Что тоже непросто, но у него получалось блестяще. Технике фехтования его обучили, но все, что касалось жизни его персонажа, было уже только его задачей. Он должен был обжить это настолько, чтобы все умения стали его привычными. В «Гамлете» он однажды летел на лошади. По сюжету нужно было осадить лошадь, когда перед ними оказалась какая-то ограда. Он перелетел через голову лошади, ударился об ограду и повредил себе ногу, из-за чего на несколько дней съемки были отменены.

Нужно сказать, что Иннокентий Михайлович многому учился в процессе работы, но никогда не учился актерскому

мастерству. Он не смог учиться, не сложилось. Время было не то, надо было зарабатывать на хлеб, как-то выживать, когда он вернулся с войны, а дошел он до Берлина. Солдатский опыт ему очень пригодился в фильме «Солдаты», он ведь все это испытал на себе.

«Моя жена, художник по профессии, – совершенно неистовый колорист по восприятию всего окружающего нас в жизни. Может быть, и на мне-то она остановилась как на одной из красок, которой не хватало в ее цветовой палитре жизни. Но это меня не печалит вовсе, скорее, напротив: как хорошо быть чем-нибудь, а краской – замечательно, даже красиво, поэтично. Иной раз мне сдается, что когда я совершаю что-нибудь не совсем, скажем, значительное в работе (или сомнительного достоинства – так, очевидно, вернее будет), то, переживая вместе со мной эту неудачу, смотря на меня, она видит не меня, а сплошную краску стыда, принявшую мои форму и контур. Так же как цвет праздника и победы являю ей собой при удачном выступлении или всерьез сделанной роли (что в последнее время много реже, к сожалению, чем обратное). И здесь вроде бы должны начаться противоречия во всем том, о чем я говорю. Как же так, цвет красный – цвет стыда, и тот же красный цвет – он цвет победы. Противоречий нет, не будет. Потому как в том, так и в другом случае она расцвечивает меня в красный цвет, это правда, и умудряется находить в нем, однако, столько тонов, переходов, нюансов,

переливов, оттенков и даже температурных различий (теплый, холодный), что нельзя не позавидовать умению видеть в одном лишь красном цвете так много и так разное. Любит, очень любит красные тона моя жена. Она называет их ласково праздником душевным, радостью безмерной».

Как художник по костюмам, могу сказать, что наш Иннокентий Михайлович что бы ни надел, казалось, это костюм из его жизни, так естественно смотрелся. На некоторых смотришь – не такая линия, не такая выточка, не так сидит. И Иннокентий Михайлович что бы ни надел, видишь, что облик свойственен именно этому персонажу.

Костюмы для фильма «Гамлет» создавал наш великий художник Симон Вирсаладзе. Он создавал их очень долго и мучительно. Наконец, костюм Гамлета был найден точно. Иннокентий Михайлович обживал костюм безукоризненно.

А в обычной жизни он любил иногда совсем просто одеваться. Как-то копались в огороде во время отпуска, он – с лопатой, в каких-то драных штанах, в какой-то шапочке, в старой майке, и вдруг у забора появляется почтальон с телеграммой. А телеграмма оказалась от Сергея Федоровича Бондарчука. Он Иннокентия Михайловича приглашал на пробы в кинофильм «Степь», который собирался снимать. Царствие Небесное Сергею Федоровичу, тоже наш великий актер и режиссер величайший.

Бондарчук предложил ему роль Моисея Моисеевича,

очень колоритного держателя постоянного двора. В телеграмме значилось: «Прошу немедленно дать ответ». Иннокентий Михайлович как был в этих, буквально, рваных штанах, он к посторонним людям спиной повернуться не мог, потому что сзади все уже было совершенно ветхое, рваное. Но в том, в чем был, он сел на мопед, я сзади. Говорю: «Кеш, дорогой, надо одеться, мы же идем на почту» – «А, дружочек, не мешай мне». Действительно, время не терпело, потому что до почты надо было ехать километров пятнадцать, и еще неизвестно, что там будет, почта-то сельская. Приехали туда. Иннокентий Михайлович пошел к почтовому окошку. Пока он писал текст телеграммы, другие посетители почты, пристально рассмотрев его, стали перешептываться. Потом они обратились ко мне, так как видели, что я вошла с ним: «Посмотрите, это же Смоктуновский». А я говорю: «Да? А кто такой Смоктуновский?» «Да вы посмотрите, в каком он виде! Это же неприлично, какое неуважение к людям!» А Иннокентий Михайлович никакого внимания ни на что не обращал, он всегда был подчинен только творчеству, только творческой цели. У него не было никаких размышлений о переодеваниях, о том, что прилично, неприлично, благопристойность напоказ была ему не свойственна. Он мог неловко высказать свое мнение, любое впечатление, и всегда это было очень искренне.

Иннокентий Михайлович любил все свои роли. Нет, любил – это не то слово, он жил ими. Когда спрашивают, а бы-

ли ли у него друзья, отвечаю, да! Все, что он играл, – это и были его великие друзья. Ведь надо было вникнуть в жизнь Гамлета, прочитав Шекспира, проникнуться этим. И видно же, когда мы смотрим Гамлета, сколько сил душевных, физических вложено. Это надо спросить у Настеньки Вертинской, которая играла Офелию, когда он ее мертвой хваткой там хватал. А была ли это любовь? Была, конечно, была любовь к Офелии, и так все это он проживал по-настоящему во всех своих ролях.

Князя Мышкина своего он обожал. Это тоже уникальное, врожденное, от Бога актерское чувство. Не было больше такого актера и нет, который бы мог бесплотность передать, как бы выявляя духовную суть героя, духовный свет Мышкина.

Иннокентий был человеком очень непритязательным в быту: к пище, к одежде, к укладу домашнему был равнодушен. Он всегда был занят единственным – слиться, подчиниться или перевоплотиться в того или другого удивительного человека. Это от Бога было как бы запрограммировано в нем.

От Бога все, от Бога. И семья его тоже была замечательная. Его мама Анна Акимовна, чудесная была женщина. Она жила у нас несколько лет, когда приехала в Москву дорабатывать пенсию.

Помимо всего, Иннокентий Михайлович кормил огромную семью. Тогда было принято помогать родным. Мне

очень помогала моя сестра, которая жила в Ленинграде. Когда я переехала в Ленинград, быт был довольно сложный. Не то что сейчас у некоторых известных людей – и прислуга, и гувернантка, и повар, и макияж на дому. А тогда я была в одном лице: встретить, еду подать, навести в комнате порядок, и еще ребенок маленький. Поэтому с работы я ушла. И Иннокентий Михайлович должен был один обеспечивать семью. Поэтому он очень много работал.

С окружающими у него были сложные, подчас мучительные взаимоотношения. Но опять-таки это не был каприз, а скорее защита. Ему ведь нелегко все давалось. Это муки творчества, как говорил Достоевский. Он говорил: «Жизнь великого художника – это муки творчества и вдохновение». А некоторые принимали его муки за капризы. Он мог быть не очень внимательным в своих взаимоотношениях с режиссером. Он мог повздорить, он мог что-то резкое сказать. Часто мне звонили и жаловались. А я отвечала: «Каков он есть, таким вы его и принимайте».

Таким и мы в семье принимали Иннокентия Михайловича. Выйдя замуж за актера и почувствовав долг ответственной любви, я и в дальнейшем любила, и ценила в нем именно то, что было ему свойственно как доброму человеку, ответственному мужу, отцу наших детей.

С некоторыми режиссерами у него складывались замечательные отношения. Например, с Анатолием Васильевичем Эфросом, когда Иннокентий Михайлович принимал уча-

стие в съемках фильма «В четверг и больше никогда». Этот фильм можно смотреть бесконечно. И я смотрю его довольно часто, хотя знаю уже наизусть. Поразительная атмосфера в кадре, прекрасные актеры... Какая чистота, сколько воздуха! Как это удалось Эфросу? И у Иннокентия Михайловича проявилась такая удивительная гибкость и удивительное умение быстро с людьми находить общий язык, запросто общаться.

Так же было и в нескольких других фильмах, где он снимался. На съемках картины «Неотправленное письмо» тоже не было никаких конфликтов. Хотя фильм снимался в очень тяжелых условиях. Там снимались настоящие актеры-подвижники: Василий Ливанов, Женя Урбанский, Татьяна Самойлова – замечательная актриса. С ними со всеми у Смоктуновского были чудесные отношения, это я знаю. Прекрасные были отношения с Андреем Сергеевичем Михалковым-Кончаловским. Андрей Сергеевич приехал к нам на дачу под Ленинград. Это было совершенно удивительное появление на даче такого замечательного человека, Кончаловского, которого все обожали. И мы в том числе. Хотя роль он предложил, как мне тогда казалось, совсем некстати. Иннокентий Михайлович находился в отпуске и должен был отдыхать. А тут предлагают роль какого-то трубача.

Андрей Сергеевич сказал, что он приехал со сценарием. Иннокентий Михайлович отвечает, показывая на меня: «Поговори с ней, что она скажет». Я говорю: «Друг мой, ты же

знаешь, что я скажу, ты в отпуске и должен отдыхать. Никаких съемок быть не должно». Андрону это было совершенно непонятно. Он сказал: «Я никогда не слушаю, что мне говорят женщины».

С Кончаловским приехала Леночка Коренева, очень юная и прекрасная. Отошли на прогулку в лес – Андрон, Иннокентий Михайлович и Леночка. Погода была чудесная. Надо знать Карельский перешеек, эти леса, этот удивительный воздух. А когда вернулись, Иннокентий Михайлович мне сказал: «Дружочек, я поеду сниматься, мне неудобно отказать Кончаловскому». Ну что ж, ехать так ехать, и увезли они Иннокентия Михайловича сниматься в роли трубача в картине «Романс о влюбленных».

А потом уже от Андрона последовало приглашение на роль дяди Вани. Это удивительный фильм! Я обе эти картины обожаю, потому что там была некая атмосфера, благородство, отсутствие пошлости, такая воплощенная искренность и такая одухотворенность. Купченко – Соня, Иннокентий Михайлович – дядя Ваня, Ирина Мирошниченко – Елена Андреевна, Сергей Бондарчук – Астров. Великие актеры, великий фильм! Но, к сожалению, его нечасто показывают. А нужно показывать снова и снова, ведь это наше национальное достояние.

А потом уже был Чехов в спектаклях «Иванов», «Дядя Ваня» во МХАТе... Олег Николаевич Ефремов пригласил Иннокентия Михайловича во МХАТ, благороднейший, добрей-

ший человек, который во всем считался с Иннокентием Михайловичем. Это же был умнейший человек, знавший очень хорошо всю эту театральную кухню и актерскую жизнь на собственном опыте. Поэтому низкий поклон всем тем великим людям, которые окружали Иннокентия Михайловича.

«Далеко не все могут представить себе, что такое спектакль на самом деле, то есть не могут даже близко предположить его полигоном разумных, духовных, физических напряжений, усилий артистов, занятых в этом «побоище». А это именно так. Порою приходишь на спектакль и явно чувствуешь, что вот сегодня-то ты ну никак не можешь рассчитывать на эфемерную, осознанно временную, в общем-то добрую, если к понятию «власть» допустимо подобное качество, власть над полутора тысячами судеб, характеров, нравов, привычек, профессий, сиюминутных настроений, наклоностей и разнообразных до полной несовместимости мироощущений. И вот здесь-то и начинается потаенная, скрытая, никем из зрителей не подозреваемая борьба: борьба за умы и души, за возможность взять, подчинить, если хотите – подавить добровольно собравшихся мило и славно провести время и увести за собой в мир драматургии».

Иннокентий Михайлович был востребован во многих направлениях. Он и пластинки записывал, и фильмы озвучивал, и читал тексты за кадром, и дублировал. Очень много

на радио читал.

Однажды во время отпуска его вдруг пригласили дублировать фильмы с Чарли Чаплином. Конечно, он согласился. Зритель, когда смотрит, просто не обращает внимания, что это фильм на русском языке, это самый настоящий Чаплин!

Много, очень много Иннокентий Михайлович сделал в искусстве. Это было некое наитие, мучительный труд, поиски бесконечные.

Не раз писали, что он любил женщин. Его искусство сводило с ума многих женщин, они признавались ему в любви, делали какие-то безумные поступки. Он их слушал, он смеялся, он не мог никого обидеть. Через его душу и жизнь они все проходили, он любил людей, и этих женщин тоже. Были у него поклонники и поклонницы, была такая Ольга Аполлоновна Малинина – педагог по вокалу, знаток театрального искусства, это просто чудо было. Она ходила на каждый его спектакль. Иннокентий Михайлович, действительно, любил поклонников, но была у него некая незыблемая защита от всего внешнего, что мешало его работе. А люди, люди – они ведь очень доверчивые, он никак не мог обмануть их доверия. Он всячески старался поддерживать человеческое братство, он даже и говорил «спасибо, брат», когда ему оказывали какую-то услугу. И это бывало часто. К примеру, едем на машине, полетело колесо или еще что-то. Он сам это отлично все делал, не было никаких проблем. Ночью ехали однажды, пришлось колесо менять, запаску вытаскивать в тем-

ноте. Кто-то остановился и помог. Иннокентий Михайлович говорит: «Спасибо, брат».

Бывали такие случаи, когда кого-то надо было посещать в больнице, кого-то надо было устраивать в больницу, кому-то помочь найти работу. К Смоктуновскому бесконечно обращались как к известному влиятельному человеку. И, помимо творчества, это была его вторая работа.

Неукоснительно его касалось все, что происходило на его Родине. Это был человек, влюбленный в свою страну. Ему ведь предлагали оставаться за рубежом. Но он и подумать об этом не мог. Любовь, привязанность к Родине – это была основа всего.

Как он начал сниматься в «Берегись автомобиля»? Машеньке было тогда пять месяцев всего. Мы жили на даче. Иннокентий Михайлович был болен и получил отпуск, лили проливные дожди, но мы оставались на даче. Не знаю, как сумел Эльдар Александрович Рязанов проехать по этой непогоде, но прикатил к нам на дачу.

Так вот, Иннокентий Михайлович был болен, он тогда снимался в роли Ленина – да, была такая эпопея в его жизни. И Рязанов Иннокентия Михайловича уговорил, взял с него даже расписку, что он дает слово приехать на съемки. Нет главного героя, Юрий Никулин, тоже наш добрый друг, царство ему небесное, сломал ногу, а снимать-то надо, план горит, время летит. Иннокентий Михайлович написал расписку, и Эльдар Александрович уехал. Причем Рязанов

обещал замечательные условия. Буквально через несколько дней, не успев поправиться, Иннокентий Михайлович поехал на съемки, и тут же началось обучение вождению. Никогда он не сидел за рулем машины, но сумел овладеть этим. Он стремился все делать сам, несмотря на то, что был у него замечательный дублер-каскадер, который самые сложные сцены должен был делать за актера. Он потом тоже приезжал к нам на дачу в Горьковское. Чудесный такой атлет.

После обучения вождению Иннокентию Михайловичу права были выданы без экзаменов. В дальнейшем он всегда сам вел машину. Это тоже было его любимое дело. Он всегда говорил: «За рулем я отдыхаю».

Такова жизнь актера. Не успевал он войти в дом, как сын требовал внимания: «Папа, я хочу вот такую-то постановку сделать». Он под столом устроил какую-то хижину и хотел что-то изображать из жизни индейцев. Ему тогда было уже, наверное, лет девять. «Папа, ты должен то-то и то-то делать со мной». А папа устал так, что ему не до чего. Говорит: «Мы с тобой на даче, когда я буду в отпуске, там, на чердаке, сделаем настоящую сцену и всех мальчишек позовем».

Иногда в начале работы он говорил: «Я плохо себя чувствую, я не могу сниматься».

Он хотел не того, чтобы его пожалели, а посочувствовали. Конечно, я сочувствовала ему, я-то сама не умею играть и никогда бы не стала актрисой. Говорю: «А зачем ты вообще стал актером? Я вот никогда не хотела, и не была бы, и не

могу, и не хочу. А раз ты актер и тебе предлагают роли, то, наверное, надо работать так, как ты умеешь это делать». Думаю, кризисы бывают у многих творческих людей.

Говорил об этом, опять же, Достоевский и другие великие творцы. А Пушкин, он же искал смерти! Вроде бы легкость такая в творчестве, необыкновенная поэзия, даже не поэзия, а фантастическая музыка слова, в которой столько жизни. А он искал смерти. У него это была не первая дуэль с Дантесом, и до этого были дуэли. И вся жизнь была экстремальной, вся – в муках творчества. А Чайковский? Чайковского Иннокентию Михайловичу посчастливилось сыграть. Фильм фантастический! Но, опять же, его мало показывали, хотя зрители его ценили. Приезжала одна женщина из Австрии – Юта Хабермен, каждое лето приезжала. Это была очень пожилая женщина. Она жила в гостинице и раз в два-три дня приходила к нам в гости, чтобы поиграть с детьми и пообщаться с Иннокентием Михайловичем. И она говорила: «“Гамлет” и “Чайковский”, больше я ничего не смотрю». Юта по-немецки говорила, русского не знала, приходила с переводчицей. В фильме Иннокентий Михайлович прожил жизнь Чайковского в простоте, так он говорил. И долго переводчица не могла перевести именно это выражение – «в простоте». Он показал реальную жизнь великого музыканта и человека, который оставил нам такую удивительную музыку. Показал муки творчества, которые так или иначе свойственны всем творцам. Ни один великий художник не жил

легко. Но при этом они были счастливы.

Так и мы с Иннокентием Михайловичем прожили длинную, трудную и очень счастливую жизнь. Потому что постоянно соответствовать обстоятельствам, статусу, обязанностям – нелегко. Иннокентий Михайлович соответствовал всем этим выпавшим на его долю персонажам, и это, конечно, большое счастье. Это удовлетворение от того, что ты сделал. Вот в этом, по сути, и состоит, наверное, счастье человека, а не в каких-то каждодневных удовольствиях, и даже не в признании.

В актерской среде очень много чудесных людей, доброжелательных, с определенным психологическим чутьем, которые Иннокентия Михайловича понимали. Они понимали, что актер такого дарования, актер милостью Божьей, он не может соответствовать толпе. А вместе с тем он был открыт людям, не было такого случая, чтобы кто-то позвонил в дверь, и мы не открыли. Всегда, если Иннокентий Михайлович был дома, он обязательно выходил, приветствовал и приглашал в гости. Посещали нас очень интересные люди, необыкновенные. Часто неожиданно, спонтанно, что иногда становилось проблемой. Особенно для меня, потому что мне нужно и важно было в семье сохранять порядок, режим, какие-то правила было необходимо соблюдать. Потому что ведь были дети. И, потом, дом великого актера, он должен был содержаться в очень большом порядке. А Иннокентий Михайлович всегда был людям открыт, был рад общаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.